

ФЕНОМЕНОЛОГИЧЕСКАЯ РЕДУКЦИЯ И СОДЕРЖАТЕЛЬНОЕ ЯДРО ЗНАЧЕНИЯ

С. А. Песина

Магнитогорский государственный университет

Поступила в редакцию 15 июля 2010 г.

Аннотация: феноменологи, как и лингвисты, анализируя сознание, обращают особое внимание на те его акты, которые участвуют в конституировании значения. Однако язык рассматривается ими как средство выражения логического содержания, т.е. в контексте его способности быть носителем преимущественно идеальных значений. Тем не менее точки соприкосновения в направлениях исследований лингвистов-когнитологов и феноменологов все же имеются. Роль феноменологии в том, что она призвана вскрыть и описать те инвариантные структуры сознания, которые лежат в основе познавательной, а следовательно, и практической деятельности человека.

Ключевые слова: феноменология, когнитивная лингвистика, концепт, семантическое ядро.

Abstract: phenomenologists, as well as linguists, when analyzing mentality, pay attention to the acts which participate in the meaning creation. Language is considered by phenomenologists as the means of logic content expression. That is, it is viewed as the carrier of abstract meanings. Nevertheless there is much in common in directions of investigations of linguists-cognitologists and phenomenologists. Phenomenology is aimed at discovering and describing the invariant structures which are basic for cognitive and practical activities of individuals.

Key words: phenomenology, cognitive linguistics, concept, semantic core of a meaning.

Поскольку в противоположность естественной феноменологическая установка связана преимущественно с анализом тех актов сознания, благодаря которым осуществляется познавательный процесс, феноменологический анализ опирается прежде всего не на естественный язык, а на язык идеальный, который как раз и связан с логикой. Отсюда язык рассматривается как средство выражения логического содержания, т.е. в контексте его способности быть носителем преимущественно идеальных значений. Следовательно, говорящий человек феноменологами почти не исследуется. Тем не менее точки соприкосновения в направлениях исследований лингвистов-когнитологов и феноменологов все же имеются, что и будет продемонстрировано в рамках данной статьи.

Феноменологи, как и лингвисты, анализируя сознание, обращают особое внимание на те его акты, которые участвуют в конституировании значения, смысла Бытия. В частности, Э. Гуссерль признает подлинной проблемой философии «смыслополагание мира», сознание же рассматри-

ваются им в качестве единственного «поля придания смысла». Повышенный интерес феноменологов к деятельности сознания обусловлен тем, что их интересует не сама по себе реальность, а то, как она воспринимается и осмысливается человеком. Реальность поставляет лишь сырой аморфный материал, подлежащий полной переработке сознанием. Важным становится в связи с этим выявить характеристики так называемых «чистого сознания», «чистой субъективности», так как они определяют все возможные формы жизненного мира, а следовательно, и формы научно-практической деятельности человека. При этом сознание выполняет двойную функцию: оно является одновременно и предметом, и средством аналитической деятельности. Справедливости ради отметим, что исследовать сознание посредством его же самого – задача насколько увлекательная, настолько же и малоэффективная, кроме того, чистое сознание – это конструкт, который должен функционировать все же в рамках реально существующего человеческого сознания.

С целью осуществления научно-аналитического осмысления мышления Э. Гуссерль, как известно, вводит понятие *ноэмы* или *ноэматы* – смысловой единицы восприятия, роль которой существенна, так как именно в ней концентрируются итоги познавательной деятельности и благодаря ноэмам воспринимается окружающий мир. Совокупность ноэм образует тот идеальный мир научного знания, который дает возможность людям понимать друг друга, хотя сама ноэма может меняться под влиянием ноэтической деятельности сознания [1].

Поскольку обыденный опыт не позволяет выявить свою смысловую структуру, нужны особые методы, которые смогли бы выступать в качестве попытки подойти к вопросу о «правомерности» смысловой структуры, мотивированности ее компонентов. Так, Э. Гуссерль предлагает эйдети-ческий анализ, заключающийся в исследовании феноменов в целях отыскания типических структур или сущностей (эйдосов), а также существенных связей между ними. Для этого следует предварительно освободиться с помощью метода *редукции* от пространственно-временной определенности предмета, а далее посредством свободного фантазирования констатировать ноэтическую сущность (эйдос) предмета. В чувственном созерцании предмет, как известно, всегда конкретен, а созерцание сущности (или идеация) есть интеллектуальное усмотрение эйдоса предмета. При этом создается как бы совершенно новая предметность – всеобщее.

Примеры, приводимые Гуссерлем для доказательства существования подобного эйдетического созерцания, достаточно просты. Так, при восприятии дерева, отвлекаясь от его индивидуальных характеристик и варьируя в воображении те его свойства, при которых дерево все еще будет оставаться деревом, можно выразить то инвариантное содержание, тот «первообраз дерева», который является его сущностью, эйдосом. Развивая фантазию далее и варьируя в воображении найденный эйдос дерева, можно прийти к более общему эйдосу – эйдосу растения как такового. Пределом же прогрессивной идеации является региональная область бытия, к которой относится тот или иной рассматриваемый предмет. Если в

конечном итоге освободиться от всех конкретных характеристик эйдоса, то можно говорить об абсолютно пустой форме, т.е. «ничто вообще», «форма вообще».

Иными словами, сущности вычленяются посредством метода свободно-го варьирования свойств предметов в воображении. Например, в начале описывается тот или иной объект, а затем описание изменяется: добавляется или отнимается один из предикатов, содержащихся в описании. Эта операция повторяется в отношении всех характеристик предмета, что дает возможность выяснить, изменится ли при этом объект или останется таким же. Если изменение предиката ведет к изменению объекта, то в этом случае речь идет о его существенной характеристике. Подобным мыслительным варьированием свойств объекта можно обнаружить необходимые и неизменные его черты, которые образуют сущность предмета.

Таким образом, необходимо последовательно «вынести за скобки» все предикаты, которыми наделяются все объекты созерцания. В то же время в дескрипцию следует включить в качестве предмета описания сами смыслополагающие акты сознания, редуцируя их к чистой трансцендентальной деятельности, в которой они становятся осмысленными. Суть феноменологического прояснения содержания языковых актов в дескриптивном описании состоит в том, что посредством ноэтического анализа из этих содержаний «вытесняются смысловые случайности, проясняются механизмы ассоциативных сцеплений смысла» [2, с. 7, 63].

Можно предположить, что роль ноэмы в феноменологии сопоставима с функцией *концепта* в когнитивной лингвистике. Концепт как термин, служащий объяснению единиц ментальных и психических ресурсов сознания, является ведущей содержательной единицей памяти, ментального лексикона, концептуальной системы и языка мозга (*lingua mentalis*). Он понимается как содержательная оперативная единица мышления (или квант структурированного знания), отражающая содержание полученных знаний, опыта, результатов всей деятельности человека. Соответственно концепт, как и ноэма, предполагает идеальное содержание, включающее мыслительные конфигурации множества взаимосвязанных объектов и явлений, имеющих некий единый смысл в процессе отражения в сознании знаний человека о фактах реального мира. Иными словами, концепт представляет собой ту идеальную, абстрактную единицу, смысл, которыми индивид оперирует в процессе мышления: человек трансформирует опыт в личностные концепты, которые логически связываются между собой, образуя концептуальную систему. Для лингвистов исследование концептов в широком понимании ценно тем, что помогает осмысливать механизмы работы интеллекта, моделировать речемыслительные процессы (насколько позволяет языковая интуиция), предсказывать дальнейшее развития семантики слов.

Существенной разницей двух сущностей является их объем. Концепт, помимо универсальных знаний, отражает субъективный опыт, переживания, индивидуальные ассоциации, связанные с объектом мысли. В таком

конструкте, как ноэма, внимание акцентируется только на познавательной стороне деятельности сознания, и игнорируется оценочная и прагматическая функции. Это является проявлением односторонности подхода. И действительно, мысль, не сопровождаемая эмоциями, бесплодна, поскольку в чистом виде разум не существует, его питают эмоции. Каждое воспринимаемое нами слово, каждый жест, запах, вкус, образ тотчас же интерпретируются чувствами. Процесс запоминания нового происходит, как правило, на фоне позитивного или негативного, но достаточно сильного эмоционального импульса, который «открывает двери» в новую область нейронных связей.

Если продолжить проводить параллель с соответствующими исследованиями структур знания и сознания в когнитивной лингвистике, то можно пойти дальше по пути концентрации мысли и говорить о базовом слое или ядре концепта. Речь идет о том, что и у концепта, и у ноэмы можно выделить содержательное ядро (ср.: «тем не менее, в ней (ноэме. – С. П.) всегда существует смысловое ядро, которое позволяет ноэме быть идентичной несмотря на уточнение и изменение отдельных ее аспектов» [1]). Содержательным ядром концепта в нашем представлении является понятие – рациональный, логически осмысленный концепт. Так, если концепту свойственна динамичность (вариативность) и единичность, то понятию – статичность (нормативность) и всеобщность. В понятии речь идет только о существенных отличительных признаках и универсальных знаниях о том или ином явлении или классе объектов.

В исследовательских работах по структуре концепта его часто представляют в виде круга, в центре которого расположено ядро (в нашей трактовке – это понятие, у более простых концептов – образ), включающее наиболее устойчивые существенные компоненты, покрывающие основную суть содержания концепта. Именно понятийная часть концепта обеспечивает взаимопонимание в процессе коммуникации. С возрастом и опытом индивида ядро постепенно как бы «окутывается» слоями концептуальных признаков, что увеличивает объем концепта и насыщает его содержание. В результате у человека формируются концепты, которые затем объединяются в систему знаний о мире.

Центральный или базовый слой концепта имеет невербальную природу, являясь языком схем, образов, осязательных и обонятельных впечатков реальности. Действительно, концепт *театр* скорее всего вызовет образ сцены с декорациями, зрителей в зале; *супермаркет* – образ огромного зала, яркого света, стеллажей с товарами, рядом кассовых аппаратов, т.е. ядро концепта предположительно представляет собой образ, кодирующий концепт для мыслительных операций. С другой стороны, как было сказано выше, ядром концепта или его базовой частью может быть понятие (например, для таких сложных абстрактных сущностей, не предполагающих наличие образа, как *свобода, счастье, воля* и др.).

Следует отметить, что в процессе анализа конкретного языкового материала и лингвистам, и феноменологам «мешает» многозначность. За-

частую анализ лексических единиц проводится таким образом, будто у слова существует только одно значение – первое, и фактически не учитываются производные значения. В связи с этим следует отметить, что особенность естественного языка с его многозначностью, метафорическими переосмыслениями, скрытыми смыслами, подтекстами представляет для феноменологии значительное препятствие на пути к поиску чистых эйдосов. Трудность заключается в невозможности до конца исчерпать все смысловое богатство слов. Так, для полноты картины, чтобы получить чистое понятие дерева в феноменологии, *созерцанием* можно охватить и остальные неглавные значения этого слова (например, в английском языке, который считается более многозначным, их более десяти).

Попробуем определить содержательное ядро слова *дерево* (*tree*), проведя компонентный анализ всех имеющихся значений (точнее, анализ по непосредственным составляющим Апресяна). Само описание каждого из значений мы опустим, так как это заняло бы несколько страниц (см. пример подобного анализа в [3]). Так, помимо первого значения – «растение» – *tree* включает еще семь переносных значений (например, «артериальная или венозная кровеносные системы тела животного», «компьютерная система», «родословное дерево», «сеть телефонных номеров» и др.). Если провести феноменологическую редукцию и абстрагироваться от специфических и субъективных компонентов, то окажется, что все эти значения основаны на одних и тех же семантических компонентах – *a system, with many branches, in which every branch can be traced to a single origin* (система со многими выходами (ответвлениями), каждый из которых имеет сходное происхождение).

Подобное содержательное ядро *обеспечивает* смысловое единство *многозначного* слова, *не давая ему распасться на омонимы*. Оно функционирует на уровне системы языка, в то время как контекстные значения являются принадлежностью речи. Конечно, в процессе декодирования смысла именно контекст сигнализирует о необходимости выбора того или иного значения из целого ряда лексико-семантических вариантов (например, у слова *head* (голова) их более 100). Но тот факт, что лексикон устроен экономно, может свидетельствовать, что за словом, помимо первого контекстуально-свободного значения, стоит и некое абстрактное семантическое ядро, которое формируется по мере актуализации каждого из значений в речи. Найденное абстрактное семантическое ядро помогает осмыслить даже самые сложные и непонятные значения, т.е. самые семантически «далекие» от первого значения лексико-семантические инварианты, которые не всегда толкуются в словарях: например, у английского слова *голова* есть значения «голова» пива, «голова» молока, «голова» моста, «голова» реки. Если в их основе тот же инвариант – нечто *верхнее, важное, начало* чего-либо, то данные значения осмысляются и объясняются легко: это, соответственно, пена, сливки и начало моста.

Когнитивный подход, на котором основан поиск лексического ядра, основан на принципах, которые предусматривают участие Наблюдате-

ля (Viewer, или Conceptualizer) в процессе познания. В данном случае учитывается тот зрительный образ, который, как можно предположить, видел наблюдатель. В процессе номинации названий головки цветка, кроны дерева, устья реки, пламени и т.д. в полном соответствии с антропоцентрическими стереотипами и наивной картиной мира, он опирается на визуальный образ головы человека. Причем когнитивный подход учитывает тот факт, что на основе онтологии мира в этой «картинке» или образе могут быть представлены любые признаки, важные и выделенные (salient) с точки зрения Наблюдателя.

Обыденное языковое сознание явно не может игнорировать то, как слова выглядят в переносных значениях. Это позволяет сознанию сформировать представление о таком мощном явлении, как языковая метафора. Данное понимание исходит из того, что понятие о любом или почти любом предмете может быть прямым и переносным. Языковое сознание осуществляет номинационные процессы с опорой на возможность реализации как прямых, так и переносных значений для каждого или почти каждого понятия. Это позволяет говорить о системных значениях не только как о прямых, но и включающих компоненты абстрактного характера, покрывающих семантику производных значений. Параллельно с этим возможно представление о предмете как таковом и «как о предмете».

Приведем пример русскоязычного полисеманта (в русском языке полисемия менее развита): *камень* (1) – твердая горная порода кусками или сплошной массой или что-либо похожее на камень (*нечто твердое, холодное, неподвижное*). Компоненты абстрактного характера (выделенная курсивом вторая часть лексического ядра) лежат в основе таких метафор, как (2) *зубной камень*; (3) *то, что полно равнодушия, жестокости, бесчувственности*; (4) *плотное образование из солей и органических соединений во внутренних органах, протоках*; (5) *надгробный памятник*. Действительно, в представленных производных значениях компоненты абстрактного характера (*нечто твердое, холодное, неподвижное*) являются главными.

Другой пример: лексическое ядро слова *стена*: вертикальная часть здания, помещения или нечто, напоминающее стену (*сплошная масса чего-либо, образующая преграду или завесу*). Последние семантические компоненты реализуются в значениях (2) *стена деревьев*; (3) *стена дождя*; (4) *стена тумана*; (5) *сжмнутый ряд людей*.

Подобные инварианты, являясь своего рода стереотипами в рамках обыденного мышления, создаются у членов языкового коллектива в результате единообразного членения действительности. Стереотипы облегчают процесс общения: человек не может самостоятельно перерабатывать все ситуации; в обыденной речи для идентификации достаточно указать на объекты в общем виде.

В целом лексическое ядро можно интерпретировать как инвариантный ассоциативно-смысловой комплекс, закрепленный за словом в сознании коммуникантов, формирующийся на основе не только семантической

структуры слова, грамматической оформленности, словообразовательной структуры, мотивационных связей, но и имеющейся в обществе традиции употребления. Следуя логике и духу современных исследований в области когнитивной лингвистики, данная теория продолжает тенденцию внимательного изучения «обыденного» сознания, под которым понимается не столько повседневное, сколько усредненное, массовое.

В лексическом ядре заложена программа для всех (или почти всех) частных значений слова и, наоборот, в любом варианте есть намек на модель, которая управляет процессом семиозиса метафорических значений. Концептуальной базой для образования подобного ядра является первое значение, ориентированное на среднего носителя языка. Оно имеет не декларативную, а динамическую, точнее, процедурную природу: процесс актуализации говорящим значений представляется как последовательная «сборка» более сложных структур на основе интегральных и дифференциальных компонентов первого номинативно-непроизводного значения.

Очевидно, что лексическое ядро функционирует на уровне *системы языка* как семантический инвариант, т.е. как «наилучший представитель» полисеманта, в то время как реализация отдельных значений осуществляется на уровне речи. Таким образом, мы исходим из предположения о том, что сколько бы значений ни ассоциировалось с конкретной формой, с ней всегда связывается ее системное значение. Оно опознается и функционирует на уровне **языка** и служит основой для вывода актуального значения слова с учетом **речевого** контекста. Существование и функционирование подобного ядра многозначного слова объясняется тем фактом, что человек способен понять высказывание только в том случае, когда он имеет какое-то, пусть самое обобщенное, концептуальное представление о референтной ситуации, описываемой этим высказыванием. Если слушающий не видит и не знает этой конкретной ситуации, ему приходится реконструировать ее на основе своих знаний и прототипических значений слов, входящих в высказывание.

Следует обратить особое внимание на то, как быстро мы в процессе анализа перешли от разговора о ментальных сущностях, чистом переживании к анализу собственно языковых фактов, потому что невозможно исследование сознания без языка. Очевидно, подобные пессимистические для феноменологии факты побудили Гуссерля рассматривать язык как своеобразную осадочную духовную породу и предупреждать о «вечной опасности при неизбежной седиментизации духовных произведений в форме окаменевших языковых приобретений...» [4]. В семиотических исследованиях язык также анализируется только как «нижний слой выражения». Как в связи с этим отмечает В. А. Серкова, для философа язык таит в себе опасность как «система, в которой не прекращается свободная игра ассоциаций» [2, с. 56].

По нашему убеждению, философскому мышлению должна быть присуща не только системность, но, прежде всего, глубокое проникновение в

естественный язык, с помощью которого осуществляется познание окружающего мира, т.е. бытие может быть понято, в том числе, через язык, в котором имеет место предварительное схематизирование мира. Конечно, язык можно понимать и широко. Так, Мерло-Понти под языком понимал не только вербальную речь, но и жесты, точнее, все, что позволяет человеку трансцендировать, т.е. преодолевать свои состояния и усваивать новые значения. Но для Гуссерля даже проблема *интерсубъективности* не послужила стимулом для более всестороннего исследования языка. Анализ интерсубъективности опирается в основном на процессы «вечувствования», в которых язык является основным средством и условием установления интерсубъективных отношений. Трансцендентальный солипсизм, на котором основана интерсубъективность, «не позволил Гуссерлю понять истинное значение языка при анализе проблем интерсубъективности» [5, с. 135].

В трансцендентальной феноменологии естественный язык так и не приобрел статуса самостоятельного объекта изучения, так как в основе феноменологических исследований лежит логика, содержание которой покоится, в свою очередь, на трансцендентальной субъективности, а она в принципе не нуждается в языке. Допредикативная сфера так и осталась для Гуссерля той последней инстанцией, которая послужила источником не только логики, но и языка, ибо только в ней коренится «творческая спонтанность, производящая сами предметы» [1].

В отношении языковых проблем чрезмерный идеализм Гуссерля выразился в попытке еще больше «понизить» уровень конкретности анализа, что привело к стремлению рассматривать язык не как особый объект, а скорее, как способ видения объектов. С другой стороны, в одной из работ Гуссерля («О происхождении геометрии»), которая может служить образцом феноменологического анализа, язык рассматривается как необходимый компонент горизонта жизненного мира, как средство познания и интерпретации окружающего мира

Таким образом, с одной стороны, язык необходим, поскольку без него невозможно феноменологическое описание, а с другой – в феноменологии постулируется существование такого состояния сознания, которое не нуждается в использовании языковых форм, ибо оно способно непосредственно созерцать сущность предмета. Подобное двойственное отношение к языку характерно не только для философии Гуссерля, но и для феноменологического движения в целом. Исключительное значение языка признается только в сфере интерсубъективных отношений, в сфере же интенциональной деятельности индивидуального сознания роль языка игнорируется, поскольку он подлежит редуцированию при достижении феноменологической установки.

Справедливости ради отметим, что в современной феноменологии получают развитие идеи, согласно которым важна не объективирующая, а коммуникативная функция языка. Взгляды феноменологов современности все же обращаются и к конкретному субъекту, пользующемуся

языком, и к интерсубъективным функциям языка. Благодаря такому обращению феноменологов к проблемам жизненного мира стали учитывать реально функционирующий язык. В когнитивной лингвистике и психолингвистике феноменологический анализ мог бы внести определенный вклад в понимание проблем усвоения и продуцирования значений языковых выражений. Роль феноменологии в том, что она призвана вскрыть и описать те инвариантные структуры сознания, которые лежат в основе познавательной, а следовательно, и практической деятельности человека.

Литература

1. Гуссерль Э. Идеи к чистой феноменологии и феноменологической философии : книга первая / Э. Гуссерль. – М. : Академический Проект, 2009. – 489 с.
2. Серкова В. А. Феноменологическая дескрипция / В. А. Серкова. – СПб. : РГПУ им. А. И. Герцена, 2003. – 320 с.
3. Песина С. А. Полисемия в когнитивном аспекте : монография / С. А. Песина. – СПб. : РГПУ им. А. И. Герцена, 2005. – 325 с.
4. Гуссерль Э. Основные проблемы феноменологии / Э. Гуссерль. – СПб. : Изд-во СПбГУ, 2004. – 367 с.
5. Бабушкин В. У. Феноменологическое познание науки / В. У. Бабушкин. – М. : Наука, 1985. – 213 с.

Магнитогорский государственный университет

Песина С. А., доктор филологических наук, профессор, докторант кафедры онтологии и теории познания факультета философии и политологии СПбГУ (С.-Петербург)

*E-mail: pesin@bk.ru
Тел.: (3519) 35-16-69*

Magnitogorsk State University

Pesina S. A., Doctor of Philosophy, Professor, Doctorate of the Ontology and Theory of Knowledge Department, Faculty of Philosophy and Politology, Saint-Petersburg University

*E-mail: pesin@bk.ru
Tel.: (3519) 35-16-69*